

ОТ ПИСЬМА — К КЛАВИШАМ: АНАЛИЗ ПОТЕРЬ

Д.Г. Трунов

Ключевые слова: рукописный текст, набор на клавиатуре, экспрессивность, экзистенциальная функция письма, терапевтический эффект письма.

Keywords: handwritten text, writing on keyboard, expression, existential functions of handwriting, therapeutic effect of handwriting.

Толчком в моем интересе к этой теме послужил один случай. Проверяя контрольные работы у студентов, я встретил текст, написанный вручную и притом красивым почерком. Мне показалось весьма любопытным, что эта работа была написана молодым человеком, который не отличался прилежанием и примерным поведением на занятиях. Я подумал: «Надо же, в наше время, когда отпала необходимость не только в красивом и понятном почерке, но и в письме как таковом, все же находятся люди, для которых письмо представляет эстетическую ценность». Конечно, этому студенту я поставил зачет «автоматом».

«Слово убило жест», – писал известный исследователь античности Ф.Ф. Зелинский, – ведь с появлением слова, более подходящего на роль знакового материала, в какой-то степени отпала необходимость в телесной экспрессии, по крайней мере, как в средстве социальной коммуникации [Зелинский, 1997, с. 188]. Далее, в этом же абзаце, мы читаем, что теперь уже «письмо убивает слово». В качестве комментария к последнему приведем мнение американского ученого И.Е. Гельба: «Вследствие широкого распространения письма нанесен непоправимый ущерб устной традиции» [Гельб, 1982, с. 212].

Итак, слово убило жест, а письмо, в свою очередь, убило слово. Однако на этом череда «убийств» не закончилась – сегодня мы констатируем: «Использование клавиш убивает ручное письмо». Как к этому относиться? В настоящей статье у меня нет задачи говорить о том, что человек *приобрел* благодаря использованию клавиатуры, я хотел бы поразмышлять о тех *потерях*, которые несет человек, отказываясь от рукописного письма. И речь пойдет, прежде всего, об экзистенциальных потерях, которые можно разглядеть, если мы отнесемся к письму как *экзистенциальной ценности*.

Экзистенциальная интерпретация письма подразумевает, что рукописный текст – это личный и абсолютно уникальный поступок, что письмо – это сугубо авторская работа. Даже если я просто переписал чужой текст, я уже вложил в него частицу себя, которая выразилась, как минимум, в уникальности моего почерка. Каждое слово, каждая буква становятся неповторимыми и уникальными персонажами, следом души пишущего, который он оставляет на бумаге.

Стоя на этой экзистенциальной позиции, рассмотрим некоторые отличия письма и, соответственно, рукописного текста от набора на клавиатуре компьютера электронного текста.

Необратимость действий при письме. При письме мы имеем дело с *неустранимостью и необратимостью последствий* наших ошибок. Конечно, ошибки при письме могут быть исправлены, но как тогда устранить исправления? Действительно, при письме имеет место правило: «Что напишешь пером, то не вырубишь топором». Если это черновик, то мы смело допускаем ошибки и просто исправляем их. А если мы переписываем «набело»? Вот тут мы начинаем чувствовать ответственность за каждое свое движение. Ведь ошибка приведет к тому, что все придется переписывать.

Теперь сравним это с набором электронного текста. Здесь принципиально иное отношение к ошибкам: команда «Undo», клавиши «Backspace» и «Delete» быстро решают все проблемы, как будто их и

не было вовсе. Чисто с утилитарной точки зрения электронный текст, безусловно, удобнее. Но что больше похоже реальную жизнь с ее необратимыми потерями? Я думаю, что работа с электронным текстом создает своеобразную «иллюзию» обратимости наших действий, веру в то, что в любой момент все можно вернуть назад, сделать «Undo».

Уникальность рукописи. Рукописный текст *можно* написать заново. Но заметим, если рукопись переписывается, то это уже другая рукопись, это уже другой персонаж, другое существо, если хотите. И если рукопись уничтожается, то это уже безвозвратно. Рукописи на самом деле горят, а если сгорают, то навсегда... Напротив, электронный текст может быть воспроизведен сколь угодно раз. Каждый «клонированный» текст совершенно не отличается от предыдущего. Опять же, практично, но не экзистенциально. Здесь уже больше синтетики, чем органики.

Личное участие автора в процессе письма. Если я пишу, то я сознаю себя *единственным* источником выводимых букв. Я делаю это без всяких посредников, или пользуюсь чрезвычайно простыми посредниками, с понятным механизмом. Чем проще посредники, тем более заметно личное участие автора текста¹. Даже печатная машинка создавала ощущение собственного действия, видимого и осязаемого от начала до конца: от мысли в голове – через нажатие клавиши – до отпечатка на бумаге. Работа пишущей машинки «прозрачна» на всем пути. Другое дело – компьютер. Это теперь главный персонаж, значимость которого мы особенно остро ощущаем, когда он выходит из строя. «Без компьютера как без рук».

«Кнопочное мышление». Работа с клавиатурой развивает своеобразное «кнопочное мышление». Достаточно нажать на кнопку – и буква (слово, текст, картинка и пр.) готова. Не нужно мучиться и выводить ее своими руками, это делает машина. Мы имеем дело с механизмом, пусть даже очень тонким, но механизмом. Такая механистическая установка через многочисленные технические метафоры с успехом распространяется на все остальные случаи жизни, в том числе на человеческие отношения. Например, манипулятивное воздействие можно рассматривать как продукт «кнопочного мышления»².

¹ Л.И. Проненко приводит примеры, когда известные каллиграфы создавали свои произведения инструментами, не предназначенными для письма (например, чайной ложкой) или обходились вовсе без инструментов, только с помощью собственных пальцев [Проненко, 1990, с. 80, 83].

² Вспоминаются слова персонажа одной известной детской книжки (и кинофильма): «Уррий, Уррий, ты выяснил, где у этого робота кнопка?»

Если компьютер навязывает человеку механистическое мышление, то кисть, напротив, *оживляет* перо, а вместе с ним – и выводимый этим пером текст. Конечно, компьютер тоже может восприниматься как живое существо, но это уже принципиально *иное* существо (по отношению к пользователю), – более или менее прирученное или непослушное, — которое *наряду* с пользователем участвует в создании текста и даже навязывает свою волю.

Письмо открывает человека. Почерк есть нечто *сугубо личное*, как голос, интонация, личный жест. В почерке человек открывает и видит себя, в почерке человека видят другие. В каком-то смысле почерк *обнажает* человека. После прохождения через клавиатуру любой личный текст, набранный стандартным шрифтом, превращается в *безличный*. Если я не поместил в тексте свое имя, то это уже текст *неизвестного* автора. Человек скрывает себя за шрифтовым камуфляжем. В том числе человек скрывается от себя самого. Но, быть может, он *теряет* себя?.. Компьютер или другое клавишно-дисплейное устройство – это своеобразный наблюдатель, который не дает человеку оказаться наедине с собой. Общение с компьютером вытесняет общение с самим собой.

Отличия в экспрессивности. Более подробно остановимся на экспрессивных возможностях письма и набора на клавиатуре, то есть попытаемся ответить на вопрос: как письмо и набор согласуются с выражением чувств пишущего (или набирающего)? Для этого сперва сравним *моторику* письма и набора на клавиатуре.

Во-первых, для того чтобы писать, необходимы более тонкие и мягкие, обычно плавные и непрерывные движения; набор на клавиатуре требует более определенных и дискретных, часто резких и достаточно жестких ударов. Во-вторых, основной объем движений при компьютерном наборе сосредоточен в пальцах рук и запястьях; при письме мы имеем иное распределение усилий: несмотря на то, что пишущий инструмент обычно держится тремя пальцами кисти, тем не менее при письме задействуется вся рука, а иногда даже тело. Вот рекомендация каллиграфа-мастера: «Выполняя нисходящий штрих, вниз передвигают всю руку с локтем, зафиксировав кисть в одном положении. “Таштите” перо прямо на себя, слегка подаваясь назад всем корпусом. Почаще проводите длинные линии, исключая возможность неподвижного положения локтя. Следите за дыханием. “Выдыхайте” штрихи. Не напрягайтесь, позвольте себе чуть-чуть небрежности. Закрепощенность — враг каллиграфа» [Проненко, 1990 с. 124]. Заметим, что это совет западного каллиграфа. Что касается японско-китайской каллиграфии,

то она едва ли вообще может существовать без тотальной телесной вовлеченности.

Различия в моторике рождают разные *метафоры экспрессии*, которые неизбежно меняются при переходе от письма к клавишам. Раньше мы говорили «излить душу» на бумагу, теперь мы говорим «набрать», «набить» текст. В первом случае душа выливается и оставляет след: здесь можно углядеть сравнение чернил и со слезами, и с «брызгами радости»; во втором случае душевный материал, воплощаемый в тексте, предстает в виде каких-то предметов, подчас достаточно жестких. Быть может, для выражения текучести психической материи все же больше подходят чернила и курсив с его идеей непрерывности, а не клавиши и печатные буквы с их дискретностью?

Не будем спешить с выводами, лучше посмотрим как *по-разному* «ложится» экспрессия человека на письмо и на клавиши.

1. Для начала шагнем немного в сторону и рассмотрим экспрессивные ресурсы *печатной машинки* – предшественницы компьютерной клавиатуры. Человек, исторгающий эмоции, может вдоволь наступать по клавишам машинки и даже увидеть результаты своей экспрессии – яркие, жирные буквы, вдавленные в бумагу, вплоть до пробитых отверстий – не только «традиционных» отверстий на месте точек и запятых, но даже на месте некоторых букв (например, «о»). В «особо тяжелых случаях» он получает поломанную машинку. Таким образом, машинопись может быть весьма экспрессивным занятием. Причем интенсивность и модальность экспрессивности здесь в определенной степени «навязывается» самим пишущее-печатающим устройством: (1) для печати на машинке (механической) необходима достаточная сила удара по клавише; (2) «удар» – это агрессивное, в некотором смысле деструктивное действие. Итак, набор на печатной машинке характеризуется *навязанной и деструктивной* экспрессивностью.

2. Теперь рассмотрим, как экспрессия согласуется с набором текста на компьютерной клавиатуре. Нажатие на клавиши *любой* силы вызывает *один* результат – «мирное» появление нейтрального и стандартного символа на экране компьютера. Вся экспрессия – независимо от интенсивности или модальности – «поглощается» компьютером. Экспрессивность застревает в недрах клавиатуры. Клавиатура – это фильтр, который не пропускает эмоциональность. Результат набора на клавиатуре — эмоционально нейтральный (по форме) текст с ровными и устойчивыми строками, с четкими и строгими символами. Поистине,

это победа рационального начала над эмоциональным³. Можно сказать, что набор на компьютере характеризуется *неконгруэнтной* и *поглощенной* экспрессивностью. Неудивительно, что «поглощение» экспрессии вызывает необходимость в дополнительных специальных средствах выражения чувств, чтобы снизить «неконгруэнтность», связанную с нейтральностью и сухостью шрифта. Однако, согласимся, все знакомые нам способы графической репрезентации эмоций (форматирование символов, цвет, так называемые «смайлики» и пр.) достаточно стандартны, а потому все равно *ущербны*.

3. Наконец, можно перейти к рассмотрению экспрессивности письма. Что происходит с эмоциями человека пишущего? (1) Письмо не препятствует выражению эмоций, напротив, акт письма является одной из формой выражения чувств⁴. (2) Письмо не навязывает экспрессии какую-либо определенную интенсивность, хотя возможный нажим пера (пишущего инструмента) колеблется в пределах, зависящих от материала инструмента. (3) Письмо также не навязывает экспрессии какую-либо определенную окраску (модальность): любая эмоция видна в почерке, ее ничего не поглощает и не видоизменяет. (4) В то же время эмоция при письме должна быть «приручена», то есть определенным образом трансформирована. Во-первых, это связано с *практической* необходимостью – уберечь письменные принадлежности от преждевременного разрушения. Во-вторых, у этого есть *коммуникативная* необходимость – слова должны быть написаны разборчиво, чтобы быть понятными читающему. В-третьих, существует *техническая* необходимость в трансформации экспрессивности, связанная с тем, что письмо – это более длительное занятие, чем набор на клавиатуре.

Путь телесного выражения эмоции при письме гораздо длиннее и *витиеватее* (в буквальном смысле), чем при печатании на машинке. Одновременно этот путь не обрывается, как это имеет место при общении с клавиатурой компьютера. Эмоция, проходя через моторику руки, трансформируется в образ, который одновременно сохраняет свой экспрессивный и коммуникативный потенциал. Высокая интенсивность эмоции успешно выражается в визуальных эффектах почерка. Конечно, в силу указанных причин, происходит определенное снижение интенсивности, а также трансформация агрессивных (деструктивных)

³ Мне это напоминает механизм психологической защиты, который З. Фрейд назвал «изоляция аффекта»: человек рационально воспринимает ситуацию, но вытесняет свое отношение к ней.

⁴ Понятно, что речь в данный момент идет о телесной, а не вербальной экспрессии.

эмоций; в письме тоже можно говорить об определенном «навязывании» со стороны пишущего инструмента некоторых правил, но, заметим, эти правила, все же, в конечном итоге не изменяют эмоцию, а существуют исключительно для того, чтобы сделать ее более *коммуникабельной*. Любопытно, результат трансформации («приручения») эмоций при письме начинает приобретать *эстетическую* ценность. Теперь это уже не просто самоконтроль, трансформация или «сублимация» эмоции, это ее *преображение*. Своего апогея преобразенная экспрессивность достигает в каллиграфическом искусстве.

Итак, письмо – это *прирученная* и *преобразенная* экспрессивность.

Письмо как терапевтический акт. В силу своей профессиональной деятельности не могу не коснуться некоторых психотерапевтических факторов-эффектов письма.

1. *Замедление темпа.* Время, затраченное на нажатие клавиши, примерно равно времени, необходимому для того, чтобы поставить точку или запятую. Понятно, что все остальные символы требуют большего времени для их написания. Этот, казалось бы, в наш ускоряющийся век, недостаток является, на мой взгляд, терапевтическим преимуществом письма. Письмо требует от пишущего замедления внутреннего ритма, то есть своеобразного *ускоенения*, в некотором смысле письмо не только «притормаживает» течение мысли, но и приводит его в *порядок*. Такого эффекта гораздо труднее добиться, нервно и агрессивно постукивая по клавишам.

2. *Эстетика.* Еще один терапевтический фактор письма связан с тем, что выведение самих букв, участие в их рождении и созерцание результата своей работы само по себе может доставлять *удовольствие*. Эстетическая и связанная с ней терапевтическая ценность письма максимально выражается в занятиях каллиграфией. Быть может, уже настало, наконец, время использовать каллиграфию как арттерапевтическую технику?

3. *Тишина.* Письмо – это более *тихое* занятие, чем набор текста на компьютере⁵ и уж тем более, чем печатание на машинке. Шуршание пера (или другого пишущего устройства) не заглушает естественное течение мыслей и располагает к самопогружению, самосозерцанию, самососредоточению. Предположу, — хотя это, безусловно, требует своего подтверждения, — что письмо рождает более интровертированные тексты, а использование клавиатуры – более экстравертированные.

⁵ Стоит отметить, что нажатия на клавиши иногда даже специально озвучиваются.

Итоги. В заключение кратко перечислим обнаруженные выше потери. Переход от письма к клавишам – это движение от самостоятельности к зависимости, от рукотворности к искусственности, от естественности к механистичности, от ручной работы к «штамповке», от живого следа к бездушному трафарету, от уникальности к стандартности, от чувственности к рациональности, от экспрессивности к нейтральности.

Литература

- Гельб И.Е. Опыт изучения письма (основы грамматики). М., 1982.
Зелинский Ф.Ф. Древний мир и мы. СПб., 1997.
Проненко Л.И. Каллиграфия для всех. М., 1990.